

ЛЮДИ ИСКУССТВА

МОМЕНТ
И С Т И Н Ы

— Так вы говорите, что интересно было бы услышать, что я понимаю под словами «играть на зрителя»? — Мой собеседник внимательно посмотрел на меня. — Знаете, сыграть на зрителя или играть для него — в этом есть много общего и границу провести бывает не так уж просто, как может показаться на первый взгляд. Главное — не эксплуатировать раз найденное, не обезличить то, что делаешь на сцене.

А. И. Кузнецов, артист Русского драматического театра, на какое-то время задумался. Мы сидим с ним в репетиционном зале, говорим о предстоящем сезоне, двенадцатом по счету, который Александр Иванович проводит на сцене этого театра, говорим о репетициях, новых ролях и старых впечатлениях. Собственно, с них-то и начался наш разговор.

— А потом, — прервал молчание мой собеседник, — этот вопрос имеет и другую сторону, и она касается взаимоотношений зрителя и актера. Театр обладает колоссальными воспитательными возможностями, но не следует их идеализировать. Сцена воспитывает исподволь, не сразу, ведь никто же не станет отрицать того, что зритель приходит к нам с другими целями, чем, положим, в лекторий. И ты выходишь на сцену и чувствуешь, что можешь сегодня сделать, а что нет. И всякий раз словно начинаешь пьесу заново. Артист, не чувствующий реакции зала, по молодости ли, из-за недостатка опыта или излишней уверенности — примет и так — несчастный человек. Как и чем достигается эта «игра на зрителя», лучше сказать — импровизация, знаешь только ты. И собираешь по крохам то, что поможет тебе в любой ситуации установить контакт со зрительным залом. И эти крохи творческого опыта индивидуальны, очень часто не традиционны, у каждого свои. Художник, к примеру, изображает серый туманный Лондон в сиреневых тонах, поэт — правится Окуджаву? — находит свой собственный путь к читателю. Помните?

Петухи проголосили,
звезды первые погасли,
Прямо перед паровозом проступают наугад
Павловска перрон пустынный,
Петергофа плен прекрасный,
Плеть Петра, причуды Павла,
Пушкина пресветлый взгляд.

Кто-нибудь другой об утренней петергофской электричке сказал бы иначе, но тоже по-своему. Вот почему, если кому-то из актеров по душе эксцентрика, ближе комедийное начало, и если материал позволяет, а зритель расположен к тому, чтобы вместе с ним взглянуть на привычное чуть-чуть иначе — почему бы и нет, скажу я, почему бы не сыграть на него, или вместе с ним? Я ответил на вопрос.

Мне трудно было не согласиться. И чем дольше продолжался разговор, я со все большим интересом вовлекался в него, понимая, что имею дело с человеком, обладающим своим взглядом на вещи, которому есть что сказать, если умеешь слушать. Во многом, из того, что было сказано, просматривалась определенная творческая позиция, определенная школа. А она у актера достаточно авторитетна.

В начале 60-х годов А. Кузнецов, студент театрального института им. Карпенко, сыграл свою первую эпизодическую роль в Киевском академическом театре им. И. Франко и был приглашен в его драматическую школу-студию. И никогда не сожалел о том, что оставил институт, а вот впечатления от занятий в студии сохранились до сих пор. В то время со студийцами работали такие замечательные актеры и педагоги, как народная артистка СССР Н. М. Ужвий, преподававшая сценическую речь. Актерское мастерство они осваивали с народным артистом СССР В. М. Дальским. Если добавить к этому, что жизнь студии протекала в творческой атмосфере театра, известного своими богатыми сценическими традициями, то можно понять чувства молодого артиста, получившего диплом о специальном театральном образовании с отличием, когда он узнал о том, что оставлен в труппе театра.

За три года работы А. Кузнецов сыграл двенадцать ролей, из них наибольшее удовлетворение принесла роль Кандыбы в пьесе А. Корнейчука «Катиновая роща». Играя в спектакле, в котором была занята Н. М. Ужвий — она исполняла роль Оксаны, — молодой актер усвоил из будущего главное и непреложное правило: на сцену, как и в жизнь, нужно входить с добрым сердцем, бескорыстно открывая всего себя.

Прошло время, и в его жизни наступает период, когда стремление к большей самостоятельности возобладало над всем остальным.

Так, в 1969 году он становится артистом Русского драматического театра.

— Что изменилось с той поры?

— Много, — говорит А. Кузнецов. Коллектив театра не боялся браться за самые сложные постановки, но самое главное, пожалуй, заключено в том, что я обрел то, к чему стремился. Поверьте, сыграть за одиннадцать сезонов около шестидесяти ролей, многие из которых центральные, это что-нибудь да значит. Вам известно, как могут быть несчастливы люди? Если вы не видели актера, сидящего на голодном репертуарном пайке, не отвечайте утвердительно. Только в работе можно понять, что труд — самое прекрасное, что может быть у артиста.

Мне хотелось задать привычный в подобных ситуациях вопрос, но мой собеседник опередил меня.

— Не нужно, зачем? Вы же не спросили бы у строителя, возводящего здание, какой из блоков запомнился ему больше всего, как не спросили бы у писателя о любимом абзаце из написанной им повести. Так и роли, они все со мной, они отняли частичку моего «я», в то же время дав мне несравнимо больше взамен. Я не хочу торопиться с ответом, кто из моих героев — Кэлин И. Друцэ, Яго Шекспира, чеховский Тригорин, Дмитрий Ульянов из спектакля «Семья» мне ближе. Скорее всего все, кого я сыграл за прошедшие годы, чью историю жизни пытался раскрыть в меру отпущенных мне возможностей, оставили свой след, укрепили в мысли, что лично для меня наступило время взглянуть на свой труд с каких-то иных позиций. И роли, которые мне еще предстоит исполнить, и завершение учебы на режиссерском отделении ГИТИСа им. А. В. Луначарского становятся для меня реализацией тех побуждений, которые возникали подспудно, в течение долгих лет.

Я слушал и мне подумалось, что Александр Иванович совсем не случайно первым в этом ряду назвал героя пьесы «Святая святых» — Кэлина. Это был один из самых удачных его спектаклей и, пожалуй, одна из лучших ролей, сыгранных в последние годы. Кэлин, с его сержантской правдой, как он был убедителен, философски глубок в защите святая святых — принципов человечности. Он преподал хороший нравственный урок, просто, по-крестьянски доказывая, что сегодня общественный интерес и общественная польза предполагают прежде всего нравственную безупречность человека, каким бы делом, большим или малым, он ни был занят.

— Очень талантливый актер, — сказала тогда о Кузнецове заслуженная артистка РСФСР, народная артистка ЯАССР Н. А. Константинова. — Сегодня на сцене его личность, взгляды на жизнь, духовное озарение — все нашло выражение в образе Кэлина. Сыгранная им роль сродни тем моментам истины, к которым актер подступает долгие годы, но открывает их однажды и навсегда.

Я попрощался со своим собеседником. Театр тем временем готовился к своим первым спектаклям сезона, шестидесятого в его истории.

НА СНИМКАХ: вверху — А. Кузнецов в роли Шванди (К. Тренев «Любовь Яровая»); внизу — в роли Пагасюка (Л. Ленч. «Ты — это я»).

В. ТИЩЕНКО.

